

Н.И. Кутузов

**Воспоминание о генерал-
фельдмаршале графе Петре
Александровиче Румянцеве-
Задунайском**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Кутузов**
Воспоминание о генерал-фельдмаршале графе Петре Александровиче Румянцеве-Задунайском / Н.И. Кутузов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-458-09351-4

ISBN 978-5-458-09351-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

что опытность въковъ и примѣры предшествовавшихъ битвъ положили въ общую массу совершенства военнаго дѣла, неподражала никому безусловно. Безотчетное подражаніе есть признакъ посредственности и вѣрный порокъ пораженія. Что могло быть прекраснѣе и грознѣе прусской арміи въ рукахъ Фридриха-Великаго, хотя онъ увлекся духомъ своего времени въ построеніи ея линіями (*); но эта армія въ рукахъ бездарности и армія Австрійцевъ, образованная по примѣру прусской, были поражаемы нестройными толпами революціонныхъ войскъ, потому что предводители этихъ армій не умѣли примѣнить своихъ тактическихъ правилъ къ мѣстности и образу войны своихъ противниковъ. Напротивъ, Суворовъ, являсь въ Италію, блѣлъ уже устроенныя французскія войска и предводимыя опытными полководцами, — блѣлъ, такъ сказать, ихъ же оружіемъ; такъ точно и Циціонъ-Африканскій, постигнувъ Аннибала, поразилъ его при Замѣ тѣмъ же боевымъ порядкомъ, которымъ этотъ великій человекъ поражалъ римскія легіоны въ Италіи. Общія правила и системы, которыми такъ богатъ нашъ промышленный вѣкъ, не образовали и не образуютъ ни одного великаго полководца. Если въ васъ, мой читатель, есть искра огня небеснаго, той молніи, которою Провидѣніе озаряетъ души своихъ избранныхъ, идите на поля битвъ рука-объ-руку съ великими мастерами военнаго дѣла и въ ихъ дѣлахъ ищите тайны побѣды.

«Битвы при Ларгѣ и Кагулѣ» восклицаетъ г. Полевой: «казались чѣмъ-то баснословнымъ, и современники славили Румянцева какъ великаго полководца. Потомство (т. е. г. Полевой) судить строже современниковъ. Если внимательнѣе разсматривать дѣянія Румянцева даже въ 1770 году, то убѣдимся, что битвы при Ларгѣ и Кагулѣ были счастливою случайностію, доказавшею только мужество Румянцева въ минуту опасности. Онъ долженъ былъ искупить неосторожность похода своею побѣдою, или гибелью — и побѣдилъ! Важные недостатки были соединены съ его воинскими достоинствами. Медлительный, перѣшительный, недовѣрчивый къ другимъ и самому-себѣ до того, что никогда не давалъ опредѣленныхъ приказаній, сберегая, какъ говорили, извѣненіе на случай неудачи; честолюбивый, завистливый къ славѣ подчиненныхъ, до того, что готовъ былъ устранить всякаго, кто былъ ему опасенъ дарованіями, хотя угодливый предъ случайными, хитрый и уклончивый въ обращеніи, Румянецъ не умѣлъ возбуждать любви къ себѣ войска, хотѣлъ славы, но третель безславія. Взгляды на походъ 1771 и слѣдующихъ годовъ докажутъ справедливость нашихъ словъ.» (Тамъ же, стр. 51 и 52).

Довольно; оставимся покуда.

Точно, битвы при Ларгѣ и Кагулѣ казались и кажутся чѣмъ-то баснословнымъ; онѣ напоминаютъ дѣла Грековъ и Римлянъ. Эти битвы, г. Полевой, честь и слава русскаго оружія; новѣйшіе народы не могутъ похвалиться подобными, — не дѣти счастливой случайности, какъ вы полагаете, а дѣти генія Румянцева, плоды его великихъ тактическихъ и стратегическихъ соображеній. Не теряя словъ, приступимъ къ дѣлу.

(*) Это построеніе было причиною его пораженія подъ Куперсдорфомъ; если бы онъ нападлъ не линіями, а колоннами, тогда бы имѣлъ возможность поразить Русскихъ до передвиженія ихъ войскъ съ праваго крыла.

Походъ 1769 года, хотя Россія выставила 80,000 человекъ, былъ неудаченъ и не соответствовалъ ожиданіямъ императрицы Екатерины Великой, которая была недовольна дѣйствіемъ князя Голицина. Нужно было избрать другаго полководца, и орлиный взоръ монархини палъ на Румянцева, того Румянцева, который, при Кунерсдорфѣ, вырвалъ побѣду изъ рукъ Фридриха-Великаго и былъ причиною пораженія его арміи (*), который взялъ Кольбергъ въ виду лучшихъ генераловъ Пруссіи (**). Главная цель командія 1770 года была взять Бендеры, для чего войско раздѣлили на двѣ арміи; вторая, подъ начальствомъ графа Панина, въ числѣ 40,000 человекъ, должна была взять эту крѣпость; первая, подъ предводительствомъ Румянцева, дѣйствовать за Днѣпромъ для прикрытія осады; два отдѣльные корпуса для этой же цели были выставлены на пути къ Очакову и на Кубань.

Первая армія, въ числѣ 28,000, была расположена въ Молдавіи, въ которой свирѣпствовала чума, обезсилившая полки до того, что Румянцевъ едва-ли имѣлъ подъ ружьемъ 22,000 человекъ; съ этимъ корпусомъ онъ долженъ былъ открыть военныя дѣйствія противъ Турковъ и Татаръ, численность которыхъ простиралась до 220,000 человекъ.

Предположенія Турковъ въ предстоящемъ походѣ были не безъ достопинства. Верховный визирь, зная малочисленность Русскихъ въ обширности квартирнаго расположенія, предположилъ разбить ихъ по-одначкѣ, не допуская до соединенія. Для этой цели, онъ назначилъ три корпуса, которые съ 60,000 чел. Татаръ должны были исполнить его намѣреніе. Самъ же визирь съ остальными силами спѣшилъ подкрѣпить передовое войско. Но Румянцевъ, быстро соединя полки свои подъ стѣнами Хотыпа, перенесъ театръ войны между Прутомъ и Серетомъ (**), съ своей стороны спѣшилъ предупредить соединеніе Татаръ съ Турками. Проливные дожди задерживали его на каждомъ шагѣ; степи превра-

(*) Шьмцы приписываютъ Лаудону пораженіе Фридриха при Кунерсдорфѣ. Но справедливо ли это? Лаудонъ съ австрійскими войсками выбралъ мѣсто въ резервѣ праваго крыла русской арміи, то-есть, мѣсто, на которое не было и не могло быть нападенія (вообще, Австрія всегда въ соединеніи съ русскими войсками выбирала себѣ подобное безопасное мѣстечко). Фридрихъ, разбивъ нашъ лѣвый флангъ и поражая поодначкѣ полки ему противопоставляемые, опрокинулъ ихъ на центръ, находившійся подъ начальствомъ графа Панина, который, оказывая упорное сопротивленіе, не могъ, однако, остановить Пруссаковъ. Главнокомандующій нѣсколько разъ посылалъ къ Лаудону, пресл его подвинуть австрійскія войска для совѣстнаго нападенія на непріятеля; но Лаудонъ не двигался; наконецъ, по усильному настоянію, послалъ австрійскую кавалерію, которая, соединясь съ русской, подъ начальствомъ Румянцева, врубилась уже въ утомленные и разстроенные упорнымъ сопротивленіемъ Русскихъ торжествующіе полки Фридриха, опрокинула ихъ и быстро преслѣдовала, когда еще австрійская шхота съ Лаудономъ не пришла на мѣсто боя, очищеннаго отъ непріятеля.

(**) Осада Кольберга можетъ служить примѣромъ военныхъ дѣйствій подобнаго рода по правильности, глубокимъ соображеніямъ и бѣдности расчета каждаго осаднаго предпріятія.

(***) См. Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 года за май и іюль мѣсяцы.

твлпсь въ море грязп, ручьи въ глубокія рѣки, люди и лошади то- нули. Главнокомандующій, броса обозы и парки, подъ сплннымъ прикры- тіемъ, устремился на Татаръ, остановившихся у Рлбой-Могили, уже въ соединеніи съ однимъ изъ турецкихъ корпусовъ. Ханъ, имѣя подъ начальствомъ 70,000 человекъ, не рѣшился принять сраженія; онъ быстро отступилъ и окопался на крутыхъ берегахъ рѣки Ларги; съ нимъ соединился другой турецкій корпусъ. Визирь съшилъ перепра- виться черезъ Дунай съ 120,000 человекъ. Турки и Татары, нѣсколько столѣтій пріученные нападать на непріятеля, спокойно ожидали визиря, уславивъ только оборону мѣстности. Но Румянцевъ, отбросилъ выжйда- тельную систему, дававшую преимущество ихъ первому удару, поло- жилъ разбить непріятельскія арміи по-одиначкѣ; по наведеннымъ въ ночи мостамъ съ 20,000 чел. перешелъ Ларгу и съ разсвѣтомъ наналъ на непріятеля. Войско было построено въ четыре каре: два изъ нихъ были направлены на флангъ татарскаго лагеря; два должны были атако- вать съ фронта, и вся кавалерія съ легкими полковыми орудіями, со- ображая движеніе свое съ двумя фланговыми каре, въ одно время съ ними должна была ударить въ тылъ; артиллерія шла вперед и огнемъ своимъ открывала путь къ побѣдѣ. Татары, поставленные между трехъ огней, опрокинутые на флангъ, бѣжали, броса орудія, обозъ и лагерь... Остановимся на этомъ сраженіи, по понятію г. Полеваго ничтожною, ибо мало было убитыхъ, но важномъ для военной науки. Въ этомъ сраженіи, Румянцевъ создалъ и примѣнилъ новую тактику для дѣйствія противъ прегулярныхъ войскъ. Онъ напалъ, а не ожидая нападенія, и въ боевомъ порядкѣ доселѣ невиданномъ; превосходнымъ направле- ніемъ арміи, поставя войска свои на флангъ и въ тылу непріятеля и по- ражая его съ фронта, на всѣхъ точкахъ, выставилъ болѣе силъ, чѣмъ Татары, хотя они въ соединеніи съ Турками имѣли подъ ружьемъ до 80,000 чел. Ханъ видѣлъ необходимость или потерять свою армію, или бѣжать; онъ бѣжалъ, и страхъ Татаръ былъ такъ великъ, что они от- дѣлились отъ Турковъ и не хотѣли уже съ ними соединиться.

Положеніе Русскихъ, не смотря на побѣду, было затруднительно; обозы не могли слѣдовать за движеніемъ арміи и недостатокъ въ бое- выхъ снарядахъ, и въ-особенности продовольствіи, былъ до крайности ощутителенъ. Люди питались варенымъ съ мукою тростникомъ (*). Та- тары, съ 60,000, угрожали тылу и обозамъ, идущимъ къ арміи, а вер- ховный визирь, съ 150,000, шелъ напасть съ лица. Румянцевъ не бо- ялся грозы; напротивъ, сталъ между двухъ непріятельскихъ армій и этимъ, разобща ихъ силы, имѣлъ существенное предъ нами преимуще- ство. Главнокомандующій отрядилъ нѣсколько полковъ для прикрытія тыла и обозовъ, вблизи находившихся, не имѣя подъ ружьемъ и 17,000 (**), двинулся противу Турковъ, которые, переправившись черезъ

(*) Смотри Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 г. 8 июля.

(**) Изъ которыхъ способныхъ къ сраженію было не болѣе 12,000. Вся тягость боя въ войнахъ съ Турками прежняго времени лежала на пѣхотѣ и артиллеріи; кавалерія же даже въ равныхъ силахъ противъ турецкой не въ состояніи была со-

Дунай и принять разбитые при Ларгъ корпуса, думали раздавить Русскихъ. Румянцевъ остановился на берегу Ларги дать отдыхъ утомленной арміи. При обзоръ окрестностей, онъ сказалъ окружающимъ его: «если Турки осмѣлятся поставить тутъ хотя одну палатку—я атакую ихъ». Дѣйствительно, на другой же день все ихъ силы сосредоточились на указанной имъ мѣстности и старались укрѣпить лагерь, разбитый на крутыхъ возвышенностяхъ.

Турки готовились напасть на Русскихъ 21 іюля. Румянцевъ предупредилъ ихъ: въ полночь, въ глубокой тишинѣ, построив войско въ четыре каре, по порядку размѣщенія силъ, принятому при Ларгѣ, и выйдя густую цѣпь стрѣлковъ предъ карелми, двинулся на непріятеля. Съ первыми лучами солнца, Турки, увидя приближеніе Русскихъ, уже готовые къ бою, вышли изъ стана. Сраженіе загорѣлось у Траяновой-Дороги; оно было упорно и кровопролитно. Турки, одушевленные голосомъ вѣры и славою прежнихъ битвъ, дрались отчаянно; Русскіе, съ именемъ Екатерины, шли впередъ, испровергая все слѣды, имъ противостоявшаго. Взвизвъ выдвинулъ огромныя массы кавалеріи, которая стремительно напала на наше войско, и, можно сказать, окружила его. Румянцевъ, хладнокровно наблюдавшій за ходомъ битвы, приказалъ право-фланговому каре принять въ пол-оборота направо для атаки лѣваго непріятельскаго. Этимъ превосходнымъ манѣвромъ, въ пылу сраженія произведеннымъ съ удивительною точностью, турецкая кавалерія была заперта въ ложнину; тогда-какъ наша артиллерія наносила ей страшное пораженіе, и кавалерія, подкрѣпленная резервами, ударила въ разорванныя толпы ихъ,—поле очистилось. Такъ кончился первый актъ этой знаменитой битвы. Русскіе, утомленные боемъ и палившимъ жаромъ, должны были взять приступомъ лагерь, окруженный тройными рвами, сильными укрѣпленіями, вооруженными 200 орудій и защищаемый огнемъ 100,000 пѣхоты; уже они взшли на высоты и крайнее каре праваго фланга начало штурмовать передовое укрѣпленіе; второе съ тою же цѣлю приближилось къ гребню ретраншаменты, противъ него находящагося, но внезапно было атаковано корпусомъ янычаръ, знаменитыхъ въ военныхъ лѣтописяхъ Турковъ неодолимымъ мужествомъ и отвагою. Это нападеніе, произведенное стремительно и неожиданно, ибо ихъ движенія скрывали укрѣпленныя высоты, когда ряды полковъ нашихъ были разстроены и движеніемъ и начавшимся приступомъ, — вдругъ измѣвило ходъ сраженія. Каре было смято и завязался страшный рукопашный бой. Турки видимо одолевали; тогда Румянцевъ сказалъ окружающимъ его: «теперь наше дѣло!», бросился въ пылъ битвы, и при крикѣ его: «стой, ребята!» полки обратились на непріятеля, при чемъ особенно отличился 1-й гренадерскій полкъ (*), который съ восклицаніемъ: «Екате-

стязаться съ превосходными ихъ пѣздниками—ее всегда обороняла пѣхота огнемъ своимъ. Кавалерія употреблялась для разъѣздовъ, для аванпостной службы и окончательнаго пораженія уже разбитаго непріятеля. При Кагуль, у Румянцева было 5,000 кавалеріи, а у Турковъ 30,000.

(*) Имя лейб-гвардіи гренадерскій, которому Румянцевъ на мѣстѣ битвы велѣлъ выдать по рублю на человѣка.

рина!» ринулся въ сѣчу и прорвалъ толпы янычаръ; прискакавшая артиллерія и кавалерія докончили пораженіе. Остатки ихъ были переколоты во рвахъ и укрѣпленіяхъ. Это истребленіе лучшаго турецкаго войска произвело въ рядахъ ихъ такой ужасъ, что они, брося лагерь, обозы и артиллерію, стремительно бѣжали, поражая другъ друга, чгобъ открыть себѣ путь къ спасенію, хотя наши войска отъ утомленія только на другой день могли начать преслѣдованіе.

Турки, запертые между штыками Русскихъ и Дунаемъ, тыслчiami гвбли въ волнахъ его, такъ-что изъ 150,000, не перебралось на другой берегъ и 100,000 человекъ, изъ которыхъ половина разбѣжалась. 200 орудій достались побѣдителямъ съ огромнымъ количествомъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

Эта знаменитая побѣда повлекла за собою важныя послѣдствія. Румянцевъ, пользуясь пораженіемъ непріятеля и страхомъ, на него нашедшимъ, раздѣлилъ малочисленную свою армію на несколько частей для осады крѣпостей. Измаилъ, Килія, Браиловъ и Бѣлградъ сдались. Ханъ просилъ свободнаго пропуски въ Крымъ, но Румянцевъ требовалъ безусловной покорности власти императрицы; тогда онъ обратился къ графу Панину, осаждавшему Бендеры, и по договору, съ нимъ заключенному, былъ пропущенъ безпрепятственно.

Въ сраженіи при Кагулѣ, Румянцевъ повторилъ боевой порядокъ сраженія при Ларгѣ, но въ немъ замѣчательнъ манѣвръ каре въ пол-оборота, который, направляя боевую линію Русскихъ во флангъ турецкой арміи, съ тѣмъ вмѣстѣ запералъ въ лошадки ихъ кавалерію и принудилъ ее очистить поле сраженія; послѣ чего уже она не могла быть введена въ дѣло, тогда-какъ простиралась до 50,000 человекъ превосходныхъ наездниковъ, и могла дать другой оборотъ сраженію. Самое избраніе мѣстности для битвы, указанное Румянцевымъ, обнаруживаетъ геній его и совершенное знаніе военнаго дѣла. Еслибъ Румянцевъ не предупредилъ визиря, или допустилъ его избрать другую позицію, тогда борьба съ нимъ была бы сомнительна; Турки, съ огромными своими силами, особенно имѣя многочисленную кавалерію, могли бы окружить и подавить Русскихъ. Напротивъ, настоящее мѣсто сраженія лишило ихъ этихъ преимуществъ; они не могли на немъ увеличить боевую свою линію сообразно съ своими силами, но должны были стать въ глубинѣ ея; слѣдовательно, должны были вводить въ дѣло войско по частямъ, представляя всю возможность разбитъ ихъ по-одиначкѣ, и поражая оружіемъ передовыя массы, нравственно поражалъ и заднія. Дѣйствительно, разбитіе кавалеріи, истребленіе янычаръ и другихъ передовыхъ войскъ, произвели между Турками такой ужасъ, что задвие, не видя Русскихъ, бѣжали. Не выпите въ этомъ Турковъ: это безотчетное чувство страха встрѣчается среди всѣхъ армій; оно иногда возникаетъ отъ ничтожныхъ обстоятельствъ и, распространяясь съ скоростью звука, увлекаетъ за собой и благоразуміе и мужество.

Послѣ этого краткога, но вѣрнаго описанія сраженія при Ларгѣ и Кагулѣ, предоставляю рѣшить каждому: справедливо ли убѣжденіе г. Полеваго, что эти битвы были произведены счастливою случайностію?

Многіе полагають, что турецкая армія самая ничтожная въ дѣлѣ; мысль эта родилась послѣ дивныхъ подвиговъ Румянцева; но спросите Австрійцевъ,—они вамъ скажутъ протавное.

«Онъ долженъ былъ искупить неосторожность своего похода» восклицаетъ г. Полевой: «побѣдою или гибелью—и побѣдилъ!» Въ чемъ же заключалась эта неосторожность? Не въ томъ ли, что Румянцевъ не бѣжалъ отъ огромныхъ полчищъ непріятеля, остави на грабежъ заплытій край и предѣлы государства, а сталъ лицомъ—къ—лицу, какъ великій мастеръ своего дѣла, сталъ среди непріятельскихъ армій и разбилъ ихъ по-одначкѣ. Вамъ, г. Полевой, какъ потомству, не безъизвѣстно, что подобнаго положенія искали и Фридрихъ-Великій, и Наполеонъ-Великій въ войскахъ своихъ, но никто не порицаетъ ихъ за это; напротивъ, всѣ признаютъ великими полководцами.

«Важные недостатки были соединены съ его воинскими достоинствами», говоритъ г. Полевой. Посмотримъ ихъ: 1) Медленный и нерышительный... Можно ли это сказать послѣ безсмертныхъ его кампаній 1770 и 1774 годовъ? Быстрота въ соединеніи войскъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ; походъ его по морю глзи безъ обозовъ; съ горстію войскъ занятіе позиціи между громадныхъ силъ непріятеля; въ нѣсколько дней разбитіе двухъ армій, въ десять разъ его сильнѣйшихъ; въ-теченіи трехъ мѣсяцевъ завоеваніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи со всѣми ихъ крѣпостями.—Помилуйте, г. Полевой, это рѣшительность льва и быстрота орла, непостигаемая курами Ивана Андреевича Крылова (*)!

2) «Недовѣрчивый къ другимъ и самому себѣ до того, что никогда не давалъ опредѣлительныхъ приказаній, сберегал, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи.»

Недовѣрчивость къ самому-себѣ; чтò можно опредѣлительнѣе выразитъ осторожностію—великое достоинство въ полководцѣ, на которомъ покоятся безопасность и слава арміи и государства, тогда-какъ самонадеянность Барроновъ и Крассовъ губятъ легіоны. Румянцевъ дѣйствительно былъ остороженъ: каждый шагъ его былъ расчитанъ, каждое предпріятіе обдуманно, можно сказать взвѣшено и соображено съ обстоятельствами и препятствіями. Это мы видимъ въ знаменитой его осадѣ Кальберга, изъ диспозиціи къ бою и изъ предписаній къ подчиненнымъ генераламъ; прочитайте все это, и вы удивитесь подробности, ясности и предусмотрительности кагульского героя; отъ этого все его предпріятія увѣщались полными, можно сказать, блестящимъ успѣхомъ, прославившимъ русское оружіе. Побѣдные клики его полковъ стали паслѣдствомъ нашимъ, нашею гордостью и славою.

Откуда вы взяли, г. Полевой, что «Румянцевъ былъ недовѣрчивъ къ подчиненнымъ и никогда не давалъ опредѣлительныхъ предписаній, «сберегая, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи»? Для обвиненія великаго человека не достаточно: *говорили, говорятъ*; даже — печатаютъ много пустаго и ложнаго, но этого мало: падо акты, а не пло-

(*) Смотри басню Крылова «Орелъ и Куры».

щадные и рыночные слухи. Откроемъ журналъ военныхъ дѣйствій 1771 года; вотъ предписаніе Румянцева князю Репнину отъ іюля мѣсяца: «Уважаю невозможность, по дальнему разстоянію, руководствовать «дѣйствіями войскъ, вамъ ввѣренныхъ въ Валахіи, предоставляю это «благоразумію вашему съ замѣчаніемъ, чтобъ въ случаѣ увеличенія «силъ непріятельскихъ, не взирая на его превосходство, предпочитать «славу оружія предъ всеми земными выгодами; искать непріятели, уни- «чтожать всѣ его покушенія и чрезъ то доставить защиту и безопас- «ность занимаемому краю». Тутъ и доверенность къ подчиненному и опредѣлительное приказаніе, достойное кагульского героя; этихъ предписаній вы много найдете къ начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ.

3) «Честолюбивый, завистливый къ славы подчиненныхъ до того, что «готовъ былъ устранить всякаго, кто былъ ему опасенъ дарованіемъ.»

На «честолюбивый» я буду отвѣчать стихомъ Мухаммеда (*): *я честолюбивъ, но таковы всѣ люди.* Честь и слава тому, кто честолюбие свое сосредоточилъ въ славу и благу родины, кто на алтарь этому святому чувству принесъ всѣ свои помыслы, всю дѣятельность души своей. Этого честолюбія нашъ знаменитый вѣкъ не понимаетъ; ему нужно золото; для него онъ готовъ осквернить гробы отцовъ своихъ, попать доблесть, втоптать въ грязь достоинство. Вы, г. Полевой, не любите ни честолюбія Румянцева, ни честолюбія Владимира Мономаха, этого прекраснаго, отраднаго явленія нашей древней исторіи, во дни великокняжескихъ раздоровъ и смутъ; ваша историческая труба славитъ честолюбіе Косаго. . жалкое и ничтожное честолюбіе. Кому могъ завидовать Румянцевъ? Ни вокругъ его, ни вдали не было полководца ему равнаго; одинъ Фридрихъ-Великій могъ оспоривать пальму первенства, и никто болѣе. Молодыя дарованія, въ его школѣ образовавшіяся, не могли помрачить славы героя, увѣнчаннаго лаврами дивныхъ побѣдъ, и онъ не удалялъ ихъ, не преслѣдовалъ, но давалъ просторъ, давалъ имъ средства развиваться и окрыпить. Вейсманъ, примѣчательное, можно сказать великое дарованіе того времени, многое сдѣлавшее, еще болѣе обѣщавшее сдѣлать, бывъ младшимъ въ чинѣ, пмѣлъ первое мѣсто въ битвѣ, лучшее назначеніе; онъ командовалъ лѣвѣмъ крыломъ арміи въ 1771 году, былъ правою рукою Румянцева въ кампаніи 1773 года; онъ водилъ полки къ побѣдѣ, когда старшіе генералы состояли при главной квартирѣ, и если онъ палъ въ битвѣ, палъ какъ герой, то и Эпиппондъ и Густавъ-Адольфъ, подобно ему, пали, и въ смерти Вейсмана нельзя обвинять Румянцева. Послѣ Вейсмана, Румянцевъ лучшимъ генераломъ въ арміи призывалъ Суворова, постигалъ его великое будущее (**), но не могъ терпѣть своеволія, и побѣдителя Турковъ при Туртукаѣ предалъ суду. Безпрекословное повиновеніе приказаніямъ начальствующаго — основной законъ войны; нѣтъ повиновенія — нѣтъ и того нравственнаго состоянія въ войскѣ, которое ведетъ его къ побѣдамъ. Самъ Суворовъ созна-

(*) Трагедія Вольтера.

(**) Въ дописаніи императрицѣ говорилъ: «представляю вашему императорскому величеству безпримѣрній лакопизмъ безпримѣрнаго Суворова».

валъ вину свою и говорилъ, что въ древнемъ Римѣ подвергся бы наказанію (*).

4) «*Румянцевъ былъ услужливъ предъ людьми случайными; хитрый и уклончивый въ обращеніи.*»

Не зная Румянцева, не могу сказать, справедливы ли эти черты его характера; только могу увѣрить, что никто не читалъ писемъ нашего знаменитаго полководца къ временщикамъ и ихъ приближеннымъ, въ которыхъ бы онъ испрашивалъ ихъ покровительства. Кто былъ сильнѣе у престола великолѣпнаго князя Тавриды, но Румянцевъ не унижался предъ нимъ и былъ въ постоянной неприязни. Румянцевъ былъ лучше украшеніе вѣка Екатерины-Великой, обильнаго людьми знаменитыми, не имѣлъ себѣ равнаго по дѣламъ войны, уваженъ великою монархическою почтенъ согражданами, слѣдовательно, не имѣлъ нужды въ униженіи. Думаю, что и эта выходка принадлежитъ къ тысячь-и-одной лжи, которыми стараются очернить одно изъ лучшихъ именъ нашей военной исторіи. Вы сами, г. Полевой, говорите, что Румянцевъ прослезился, услышавъ о смерти Потемкина, злѣйшаго врага своего; прибавлю къ этому: послѣ кагульской битвы, проѣзжая поле сраженія, покрытое горами труповъ, онъ заплакалъ; принцъ Брауншвейгскій и другіе, окружавшіе его, изъявляли удивленіе; тогда Румянцевъ отвѣчалъ имъ: *я сражался, какъ солдатъ, побѣдилъ, какъ полководецъ, а плачу, какъ человекъ!* (**). Эти черты доказываютъ доброту и величіе души—достоинства, которыми не многіе великіе люди могутъ гордиться.

5) «*Румянцевъ не умѣлъ возбудить къ себѣ любви войска.*»

Ложь, ложь и тысячу разъ ложь—и противъ Румянцева и противъ русскаго войска, всегда признательнаго къ вождямъ своимъ. Нѣтъ; солдаты его любили, какъ отца, попеченіямъ котораго обязаны своимъ существованіемъ; обожали, какъ героя, раздѣлявшаго съ ними боевые труды и опасности, гордились имъ какъ гениемъ, подарившимъ ихъ бессмертными побѣдами. По окончаніи кагульской битвы, полки приветствовали его единодушнымъ крикомъ: *ты прямой солдатъ!* Эти имена дають еще немногимъ своимъ любимцамъ; у насъ — Румянцевъ, у Французовъ — Наполеонъ пріобрѣли эти необыкновенныя титула.

«Можно было ожидать» говоритъ г. Полевой: «что 1771 годъ поведетъ Русскихъ къ побѣдамъ болѣе легкимъ, болѣе блестящимъ, слѣдствія коихъ будутъ окончательны. Румянцеву вѣрно было перенести оружіе за Дунай и идти къ стѣнамъ Царьграда, когда Орловъ подойдетъ къ столицѣ султанской по волюнамъ Архипелага и князь В. М. Долгорукій со второю арміею овладѣетъ Крымомъ. Надежды не осуществились. Румянцевъ переходилъ за Дунай, но дѣйствовалъ нерѣшительно, кончивъ походъ неважными битвами, взятіемъ нѣсколькихъ крѣпостей и возвращеніемъ въ Молдавію. Взглядъ на походы въ 1771 году и слѣдующихъ годовъ докажетъ справедливость нашихъ словъ.»

(*) То-есть, безъ суда, по приказанію консула, былъ бы казненъ, или высѣченъ розгами въ виду всей арміи — такъ строги были законы военные свободнаго Рима; за то побѣда была неразлучна съ ихъ знаменами.

(**) Во всѣхъ диспозиціяхъ къ бою Румянцевъ не забывалъ повторять, чтобъ не проливали напрасно крови и щадили побѣжденнаго.

«Вторая армия поступила въ 1771 году подъ начальство князя В. М. Долгорукаго и ей предписано было занять Крымскій полуостровъ. Обнадеженная Кагульскою побѣдою и спѣша кончить войну побѣдами, Екатерина велѣла перейти Румянцеву за Дунай. Здѣсь оказались недостатки его, какъ полководца. Онъ готовился къ походу, но прежде началъ забирать дунайскія крѣпости. Зимой Русскіе взяли Журжу. Неосторожность Потемкина, искавшаго воинской славы подъ знаменами Румянцева, ободрила Турокъ. Они перешли на лѣвый берегъ Дуная, отняли у Русскихъ Журжу, отгѣснили корпусъ Русскихъ къ Бухаресту. Румянецъ не думалъ разгромить ихъ ударомъ, и только послалъ за Дунай Милорадовича и Вейсмана отыскать движенія непріятеля. Милорадовичъ захватилъ Мачинъ и Гирсово. Вейсманъ сдѣлалъ болѣе предписаннаго ему: — разорилъ Тулчи и Исакчу, разбилъ войско Турокъ при Бабадагѣ, гдѣ находилась запасная артиллерія турецкая, и гдѣ взялъ до 170 пушекъ. Эсену съ Потемкинымъ также удалось разбить Турокъ, стремящихся къ Бухаресту; они укрылись за Дунай, — Русскіе снова заняли Журжу. Тѣмъ кончилась компанія 1771 года.»

«Дѣла Румянцева, столь нерѣшительныя, привели въ недоумѣніе всѣхъ и огорчили Екатерину. Крымъ былъ завоеванъ Долгорукимъ.—Будь рѣшительнѣе Румянецъ, — ужасъ Турокъ кончилъ бы войну съ нами, усмирилъ Польшу, устранилъ Швецію, Пруссію, Австрію и прекратилъ интриги Франціи при дворѣ Оттоманскомъ. Мы видѣли какія важныя политическія слѣдствія, принудившія Екатерину согласиться на переговоры о мирѣ, произошли отъ нерѣшительной, скажемъ болѣе — неудачной войны Румянцева.»

Всѣ обвиненія противъ Румянцева суть ни что иное, какъ изобрѣтеніе поэтическаго гения г. Полеваго, который сочиняетъ планы военныхъ дѣйствій и именныя повелѣнія, распоряжаетъ судьбами войны и мира.

Повелѣнія о перенесеніи военныхъ дѣйствій за Дунай Румянцеву не было; намѣренія идти къ султанской столицѣ его арміи и флоту не существовало. Вотъ планъ кампаніи 1771 года: князь Долгорукій съ 40,000 арміею долженъ былъ завоевать Крымъ; прочія силы, морскія и сухопутныя, облегчать это завоеваніе. Согласно съ этимъ намѣреніемъ, Румянцеву было предписано охранять Бессарабію, Молдавію и Валахію, овладѣть Журжею и Турно и не допустить Турковъ подать Крыму сухопутную помощь. Флотъ съ этою же цѣлію обязанъ былъ дѣйствовать на водахъ Архипелага. Согласно съ этимъ планомъ размѣщены были полки первой арміи, въ которой подъ ружьемъ было 22,000 человекъ, именно: правый флангъ подъ начальствомъ Олица, а по смерти его — Эссена, въ числѣ 12,000, для охраненія Валахіи и взятія Журжи и Турно; лѣвый, подъ начальствомъ Вейсмана въ Измаилъ въ числѣ 6000 человекъ. Главнѣйшій съ 4000 избралъ центральную позицію въ деревнѣ Фальдешты, дабы можно было, въ случаѣ скопленія Турковъ на флангахъ, подкрѣпить угрожаемый пунктъ.

Румянецъ и не думалъ переходить за Дунай въ 1771 году, ибо до него еще не доходило повелѣніе г. Полеваго, сочиненное въ 1843 году, и въ ожиданіи оваго, спокойно въ своей главной квартирѣ распоряжался военными дѣйствіями. Если онъ, вопреки его воли, началъ забирать крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, такъ въ этомъ была крайняя необходимость: Турки, владѣя Журжею и Турно, безпрепятственно могли переходить въ Валахію и угрожать правому флангу арміи и краю, который былъ житвицею русскихъ войскъ. Эту истину вы, г. Полевой!

могли постичь изъ событій настоящей кампаніи. Непріятель, пользуясь покровительствомъ этихъ крѣпостей, перевелъ въ Валахію 50,000, но былъ разбитъ Эссеномъ на-голову, и, потерявъ обозъ и артиллерію, подъ защитою Журжи переправилъ на правый берегъ Дуная остатки войскъ, чего не могъ бы сдѣлать, если Русскіе владѣли этою крѣпостію.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ румянцевой арміи. Для достиженія цѣли компаніи, онъ предпринялъ поиски на правый берегъ Дуная, почему предписано было Вейсмапу изъ Измаила перейти эту рѣку и стараться истребить запасы непріятеля, собранные въ крѣпостяхъ придунайскихъ. Въ первый разъ Вейсманъ перешелъ съ 750 человекъ, взялъ штурмомъ и окончательно разорилъ крѣпость Тульчу, защищаемую 5000 Турковъ; въ другой разъ съ 1400 человекъ овладѣлъ Исакчею, которую обороняли 6000, и наконецъ, въ третій разъ съ 3000 вторично напалъ на Тульчу, разбилъ 11,000 Турковъ, устремляя въ глубь Булгаріи, поразилъ идущіи къ Тульчи подкрѣпленія, взялъ Баботы съ главными паркомъ артиллеріи и огромнымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ, аммуніціи, оружія и жизненныхъ припасовъ. Милорадовичъ съ 1500 человекъ перешелъ Дунай, разбилъ подъ Мачиномъ 8000 турецкій корпусъ, овладѣлъ артиллеріею, обозами, флотиліею и до основанія разрушилъ городъ. Подполковникъ Якубовичъ, посланный на поискъ съ 250 человекъ, разбилъ встрѣченнаго имъ непріятеля, взялъ восемь пушекъ и соединяясь съ равносильнымъ отрядомъ полковника Тумашевского, взяли штурмомъ Гирсова, защищаемый 2000 гарнизона, подорвали крѣпость, на валахъ которой было 120 орудій, изъ которыхъ половину доставили въ главную квартиру, а остальные потопили въ Дунай. Эти дѣйствія Русскихъ поселили такой ужасъ среди Турковъ, что она, при появленіи малыхъ отрядовъ, бросали города и бѣжали въ горы въ лѣса (*). Были примѣры, что сторожевые отряды Русскихъ, перебираясь на правый берегъ, подходили къ крѣпостямъ съ сильнымъ гарнизономъ; но никто не смѣлъ выйти къ нимъ на встрѣчу, ограничиваясь каптонадою съ крѣпостныхъ валовъ.

Румянцевъ въ точности исполнилъ свое предназначеніе въ кампаніи 1771 года и не только не допустилъ въ Крымъ сухопутной помощи, но съ своими, можно сказать, ничтожными средствами разбилъ 50,000 армію, взялъ на лѣвомъ берегу Дуная двѣ крѣпости, а на правомъ разрушилъ шесть крѣпостей, истребилъ огромные склады запасовъ, овладѣлъ и потопилъ 100 судовъ, взялъ 280 орудій мѣдныхъ и больше 300 затопилъ и заклепалъ чугунныхъ, такъ-что верховный визирь долженъ былъ требовать крѣпостной артиллеріи изъ азійскихъ провинцій. Послѣ этого надо удивляться не нерѣшительности дѣйствіи Румянцева, а рѣшительности г. Полеваго искажать событія, чтобъ имѣть возможность порицать знаменитаго полководца, подвигами своимъ принесшаго государству неисчислимыя выгоды. Что жъ послѣ этого исторіи? Сказка!

(*) Смотри Журналъ военныхъ дѣйствій 1771 года, показаніе пѣвннхъ.